

Глава 10

— На улице холодно, не выходи.

Юй Нянь даже не успел ничего ответить, как Цинь Фуюань увлёк его обратно в спальню. Юй Цинлина же генеральный директор опустил у самого порога:

— Поиграй сам.

Юй Цинлин лишь молча лишился слов.

Сидя на корточках у двери, малыш снова превратился в нахохлившийся, разбухший комочек ниангао.

[Цинь Фуюань, уж в чём-чём, а в обижении собственного цзайцзая ты мастер! Смотри, как бы потом не пришлось каяться на коленях, пытаясь вымолить прощение!]

[Малыш, я подскажу тебе кое-что! Сходи в кабинет Цинь Фуюаня, выдвинь ящик — там лежит куча штук, которые можно надуть как шарики. Надуй их все насосом и уставь ими всю комнату! Твой дикий папа обрадуется и сразу отомстит за твоего малого папу.]

Юй Цинлину ужасно не хотелось радовать своего бесполезного старшего папу.

Но отомстить за малого папу хотелось гораздо сильнее!

Поэтому малыш, преодолевая неохоту, принялся надувать «шарики».

Изо всех сил нажимая на ручку насоса обеими лапками, малыш быстро выбился из сил и тяжело задышал. Он то отчаянно качал воздух, то останавливался перевести дух.

Глядя на надутые «шары», Юй Цинлин не удержался от самопохвалы:

«Какая умница! Малыш, ты просто замечательный кроха! Рождён для того, чтобы надувать шарики! Кто у нас самый лучший малыш?»

Юй Цинлин мысленно поднял лапку: «Я!»

[Умираю со смеху, он что, сам себя хвалит?!]

[Если бы Цинлин хоть на секунду перестал себя нахваливать, эта работа сразу бы встала!]

****[А-а-а, не смейте подставлять моего Цинлина!]****

Надув ещё один «шар», Цинлин молитвенно сложил лапки и трижды благоговейно поклонился:

«Шарики-шарики, пусть кто-нибудь придёт и поможет мне их надуть! Я за это сделаю всё что угодно!»

Тук-тук-тук!

Юй Цинлин замер: «?»

Неужели желание сбылось?

Малыш подбежал к двери, подпрыгнул, чтобы дотянуться до ручки, и распахнул её. На пороге стоял тот самый снежный барс, который не так давно сшиб его с ног до потери сознания.

Вэнь Суй всё это время шёл по следу, вынюхивая дорогу, пока наконец не отыскал хорька. От барса веяло уличной прохладой. Он подхватил зубами всё ещё ошарашенного Цинлина, прошмыгнул в комнату и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Юй Цинлин опять лишился слов.

Вэнь Суй уставился на него с таким видом, будто немо произносил: * «Слабаки жалуются на обстоятельства, сильные — адаптируются»*.

Цинлин надул щёки: * «А сильнейшие — разрушают всё вокруг! Ненавижу сильных!»*

Оказывается, даже сидя бездельно дома, невозможно укрыться от этого барса. Проклятье, он и впрямь его заклятый враг!

Впрочем, внешне хорёк оставался само совершенство и послушание:

«Ого! Братик, ты такой крутой! Ты сразу меня нашёл!»

Вэнь Суй настороженно нахмурился.

Он прекрасно помнил, как в прошлый раз этот глупый хорёк откровенно его недолюбливал. С чего бы сейчас его глаза так сияют?

Странно.

И всё же... глаза у него действительно красивые. Да и сам он невероятно милый.

Цинлин отвёл Вэнь Суя в кабинет. Маленький барс сразу всё понял: глупый хорёк захотел целую гору шариков, но качать насос самому ему было лень — вот и начал заискивающе звать его «братиком».

Приняв человеческий облик, Вэнь Суй с изящной лёгкостью надул первый шарик:

— Так?

Дымчато-голубые глазки Цинлина вспыхнули восторгом:

«Да-да!»

Вэнь Суй сгреб хорька в охапку, усадил к себе на колени и принялся за работу. Юй Цинлин щедро отплатил за помощь эмоциональной поддержкой: ластился, тёрся мордочкой и лип к нему всем телом.

Когда малыш попытался прильнуть снова, Вэнь Суй мягко ладонью придержал его головку:

— Перестань. Ты — омега.

Пусть даже пока ещё крошечный малыш, но всё равно омега. А сам он — альфа.

Органы чувств Цинлина всё ещё оставались неразвитыми, а глаза словно застилала дымка, поэтому он не мог толком разглядеть лицо Вэнь Суя.

Не видел он и того, как густо покраснели уши Вэнь Суя. Хорёк понял только одно: глупому барсу не нравится, когда к нему ластятся.

Глазки Цинлина лукаво заблестели: раз глупой кошке это не по нраву, значит, он будет делать это снова и снова!

Малыш наклонил головку набок с абсолютно непонимающим видом. На его белоснежной, похожей на рисовый клёцек мордочке было прямо-таки написано: «Я глупенький хорёк, ничего не понимаю!»

Вэнь Суй лишился слов.

Глупый хорёк.

Ощувив очередной ласковый тычок пушистой щёчкой, Вэнь Суй подавил биологический инстинкт превратиться обратно в барса и облизать малыша с ног до головы. Сохраняя невозмутимую мину, он продолжил качать насос.

Под бесконечные нежности Цинлина скорость работы Вэнь Суя возросла ровно вдвое.

****[Это что, главный герой и злодей?!]****

****[Какой ещё злодей, это же главный герой и его фатальная фаворитка!]****

— Ты такой глупенький, — буркнул Вэнь Суй.

Цинлин чуть склонил головку: «Ну и что, что глупенький? Правда же, братик?»

Вэнь Суй помешкал, хотел сказать что-то ещё, но запнулся и лишь вздохнул:

— Ладно, сиди тихо, я сам всё надую.

Юй Цинлин послушно устроился на его плече.

Его ничуть не задевало, когда его называли глупым. За такие похвальные качества, как «послушание» и «ум», всегда приходится платить слишком высокую цену.

Быть послушным — значит не шуметь и не капризничать; стоит лишь раз проявить неповиновение, как тут же все вокруг начинают упрекать: «Почему ты вдруг стал таким непослушным?»

А умным людям приходится прикладывать кучу усилий, чтобы соответствовать чужим ожиданиям.

Так что он с удовольствием будет глупышом! Он хочет прожить глупышом всю свою жизнь!

К тому моменту, когда Вэнь Суй закончил, малыш уже сладко спал.

Барс пересчитал надутые «шары» — получилось около сотни. Пожалуй, Цинлину должно понравиться.

Он аккуратно перенёс спящего хорька на диван, заботливо укрыл его пледом и повернулся к выходу.

Если Цинлин так упорно стремится уйти, пусть эти шарики станут его прощальным подарком.

[Хм...]

[Он что, действительно всё надул и просто ушёл? Мне кажется, это неспроста!]

[Я же говорила, с чего бы главному герою проявлять такую доброту? Это же чистой воды подстава для цзайцзая!]

[Будто вы сами его меньше подставляли!]

[Кхм-кхм, мы просто помогаем Цинлину устроить проверку отцовской любви!]

[Отцовской любви тяжестью с Великую гору?]

Цинь Фуюань долго молча наблюдал за Юй Нянем, но тот лишь тихо плакал, не роняя ни слова.

— Няньнянь, если что-то произошло, просто скажи мне. Я помогу тебе всё уладить.

От этих слов на душе Юй Няня стало ещё тяжелее: расскажи он всё Фуюаню, и проблему уж точно решить не удастся.

Опустив голову, он пробормотал:

— Мне просто грустно. Захотелось поплакать, вот и всё. Ничего не случилось.

— Я принесу тебе воды, — вздохнул Цинь Фуюань.

Юй Нянь молча кивнул.

Выйдя из спальни, Фуюань тут же наступил на нечто, надутое словно шарик... Присмотревшись, он понял, что это презерватив. А подняв глаза, обомлел: вся гостиная была завалена подобными «шарами».

Юй Цинлин спал чутко. Услышав шаги, он потёр кулачками глазки, сел на диване и уставился на Цинь Фуюаня круглыми дымчато-голубыми глазами, полными предвкушения.

Его взгляд словно говорил: «Смотри, как здорово малыш постарался! Скорей похвали меня!»

Глядя на этот пушистый белый комочек, восседающий среди горы надутых средств контрацепции, Цинь Фуюань лишь зловеще усмехнулся от захлестнувшего его гнева.

— Малыш, это твоих рук дело? — спросил генеральный директор, приближаясь к хорьку.

Цинлин гордо кивнул: «Да-а, это малыш всё сделал!»

— Какой же ты у нас умница, — с ледяной ухмылкой протянул Цинь Фуюань.

Цинлин снова послушно кивнул: разумеется, он и сам знал, какой он замечательный.

[У-у-у, милота какая!]

[Малыш, беги-и-и! Твой старший папа сейчас тебя выпорет!]

Юй Цинлин недоумённо моргнул: «?»

Вы же только что говорили совсем другое!

Не успел хорёк и лапой взмахнуть, как Цинь Фуюань без церемоний подхватил его за шкурку.

Увидев в всплывающих комментариях, что Цинь Фуюань собирается отучить ребёнка от проказ с помощью ремня, Юй Нянь перепугался.

Однако он искренне считал, что малыш ни в чём не виноват. Цинлин такой крошечный и послушный, разве мог он причинить хоть какой-то вред? Это наверняка Цинь Фуюань цепляется к нему на пустом месте!

Юй Нянь гневно распахнул дверь спальни:

— Цинь Фуюань, ты чего устроил?! Цинлин ещё совсем кроха, что он такого мог сделать?! В чём он может быть виноват, чтобы ты поднимал на него руку?!

Рука Цинь Фуюаня ещё даже не успела опуститься на пушистую попку хорька, как на него обрушился этот шквал упреков.

Висящий в его ладони Цинлин закивал изо всех сил: «Вот именно! Малыш такой маленький, разве мог он совершить что-то ужасное? Советую тебе немедленно отпустить меня, пёс-хозяин!»

Цинь Фуюань опустил взгляд и увидел, как свирепые огни в глазах этого неблагодарного чада мгновенно сменились невинным, ангельским блеском.

Малыш хлопал чистыми до прозрачности глазами, точно спрашивая: «Что такое? Почему ты так смотришь на малыша, папочка?»

Цинь Фуюань подавился словами.

Юй Нянь, продолжая ворчать, выскочил из комнаты, но при виде заваленной надутыми презервативами гостиной у него потемнело в глазах — он едва не лишился чувств.

— И что же «такого» он мог сделать? — с ледяной, ехидной ухмылкой переспросил Цинь Фуюань, не сводя с него глаз.

Все его неприкосновенные запасы оказались безжалостно пущены на ветер этим негодным мелким пакостником!

С чувством полного отчаяния Юй Нянь медленно побрёл к нему.

С появлением малого папы Цинлин обрёл нерушимую опору и тут же устоял на старшего папу с нескрываемым осуждением:

«Подумаешь, пару шариков надул! Ты только взгляни на себя, разве стоит из-за этого так кипятиться?»

Прежде чем Цинлин успел опомниться, Юй Нянь сгреб его в охапку, стремительно утащил обратно в спальню и с грохотом захлопнул дверь.

Глядя на глухую деревянную преграду, Цинь Фуюань не выдержал и нервно расхохотался.

Он прислонился к стене и ещё некоторое время смотрел на запертую дверь, не скрывая едкой ухмылки.

Прекрасно. Просто замечательно.

И старший, и младший — оба виноваты по уши, но умудряются качать права с гордо поднятой головой.

Больше Цинь Фуюань не стал их беспокоить. Он принялся наводить порядок в доме, а затем приготовил обед и позвал обоих к столу.

Юй Нянь, чувствуя за собой огромную вину, пробурчал из-за двери:

— Мы не голодны! Не будем есть.

Цинлин поддакнул про себя: «Вот именно, мы не голодны и ничего есть не станем! Пусть мы с малым папой умрём с голоду! Тогда старший папа превратится в убийцу и угодит прямо за решётку!»

[Вот так образец сыновней почтительности! Уж придумывает, как собственного отца упрятать за решётку!]

Юй Цинлин твёрдо решил объявить этим всплывающим комментариям суточный бойкот. Каким бы глупеньким он ни был, теперь он точно понял, что эти коварные тётушки обвели его вокруг пальца как дурачка!

И с этим главным героем они теперь непримиримые враги!

У-у-у, а он-то удивлялся, с чего бы тому быть столь великодушным и надувать за него шарики! Оказывается, этот мерзавец преодолел весь этот путь лишь ради того, чтобы подставить его!

Мерзавец!

Он уходит на тёмную сторону!

[Всё, пропал дом, теперь они точно враги навек!]

— А ну марш есть. Иначе отпорю обоих, — слышался из коридора голос Цинь Фуюаня.

Юй Нянь густо покраснел от возмущения.

Цинлин тоже вспыхнул до самых кончиков ушей.

Спустя мгновение дверь открылась, и парочка с самым жалким и удручённым видом поплелась к столу, усаживаясь напротив Цинь Фуюаня.

[Команда зашуганных зарабатывает высший балл!]

Юй Нянь молча проглотил обиду.

Цинлин лишь мысленно пискнул.

Никакие они не зашуганные!

Накормив человека и хорька, Цинь Фуюань вместе с Юй Нянем вернулся в спальню. Они не виделись несколько дней, поэтому Фуюань обнял его за талию:

— Ты как будто... — Слово «похудел» так и застряло у него в горле. Он осторожно провёл рукой по животу Юй Няня и ощутил необычное, едва заметное округление.

Линлин: * «Ненавижу главного героя! Он меня точно сглазил!»*

<http://bllate.org/book/19995/1991403>